

МИХАИЛ ЯСНОВ

**НЕПРАВИЛЬНЫЕ
ГЛАГОЛЫ**

Лена и Вася - с тысячной
любимостью - и в Тегинге!

МИХАИЛ ЯСНОВ

Ура!

Лена Лена
93

**НЕ ПРАВИЛЬНЫЕ
ГЛАГОЛЫ**

ХУДОЖНИК

Ю. БРУКОВАНУ

Москва

Издательство "Прометей" МГПИ им. В.И.Ленина

1990

ББК 84P7 - 5
Я82

Издание осуществлено за счет средств автора

Я с н о в М. Неправильные глаголы. Стихи. М. Прометей.
Литературно-художественное агенство "ТОЗА", 1990. - 48 с.

Книга издается в авторской редакции

Художник **Ю р и й Б р у с о в а н и**

Сдано в набор 15.8.90. Подписано к печати 10.11.90.
Формат 60 x 84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3. Тираж 3000 экз. ЗАК №148 К Цена 2 руб.

Издательство "Прометей" МГПИ им. В.И.Ленина.
Литературно-художественное агенство "ТОЗА".
119048, Москва, ул. Усачева 64.

"Петит". Производственно-издательский комбинат ЦНИИТЭИ

470201202 - 216
Я _____ без объявл. (с) Михаил Давидович Яснов
183(2) - 90 1990

ISBN 5-7042-01-56-x

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Мужчины в усах, элегантные модницы в креслах; она - с веером, он - с цепочкой, фикус - в сторонке; фон размыт, в никуда исчезла стена, зато навсегда отпечаталось имя фотографа на картонке.

Дети - мальчик и девочка - смотрят на вас, затаив дыхание: там, перед ними, дядька залез под черную тряпку, и птичка, пока их бледные лица впитывает негатив, никак не может сорвать веревку, что держит ее за лапку.

Край оборван. На молодом человеке - фуражка; рядом с ним кто-то стоял; заметно, как на обороте по выцветшей фотобумаге выпукло выведено: "Дорогимь..."- надпись, как в зеркале, и обрывается на полуноте.

Серый квадратик. Девушка с длинной косой. Прищуренные глаза слепит неприкрытая лампа. Справа, внизу, там, где сердце, - пустой уголок косой и смазанный след фиолетового штампа.

Двое в цехе. Рядом с ними - замысловатый станок. На мужчине спецовка, женщина в косынке и фартуке. Неизвестный на заднем плане. И в несколько строк: "От треугольника фабрики..."

Что-то вроде поздней осени или ранней весны. Голые деревья. Группа автоматчиков возле дота. Вечный огонь желтизны, в котором почти растворились, пропали оставшиеся на фото.

Остросулая женщина с седым завитком у виска. Девочка прижимает к груди тряпичного краснофлотца. Наискось бегло: "С любовью на фронт из Ка..." - то ли "...зани", то ли "...раганды" - теперь уже не прочтется.

Барочный обрез, завитушки. К ногам загорающих стариков
подбираются волны, застыв на секунду.
Старуха в шезлонге. По трафарету вдоль облаков:
"Приезжайте в Пицунду!"

Женщина с мальчиком. Ребенок на деревянной лошадке.
Ученик
с книгой "Витя Малеев в школе и дома".
Подросток. Юноша. Юноша. Юноша. Что ни миг
время стопорится, истончается, как листы альбома.

Металлическая застежка, год за годом прижав и сжав,
состыковывает переплеты, словно выглаженные огранкой.
Отблеск падает на стену: "Привет из Аф..." -
окончание пропадает под черной рамкой.

1988

У швейной машинки - ни дня передышки:
карманы, манишки, рубашки, штанишки.
Машинка поет от зари до заката:
"Ци-та-та, цита-та, цитата-цитата!.."

Так дальше и вышло - с повтором, с оглядкой
на ближние судьбы над детской кроватью:
на фото ушедших и канувших в ночь -
узнать, не забыть, пережить, превозмочь...

В соседней квартире и в дальней Сибири -
везде наши матери шили-кроили
из легкого форта и мелкой удачи
одежду - мальчикам, а мужьям - передачи.

О чем я? О том я, что znalся с утратой,
что стала судьба моя скрытой цитатой
из тысяч и тысяч подобных бывших
рождавшихся судеб конца "роковых"...

**Нас те же мечты и надежды питали -
а нынче друг друга узнаем едва ли:
втихую взлелеяны наши победы,
как общее место, затвержены беды.**

**А все же оглянешься - как мы похожи:
все тот же, все та же, все так же, все то же!
Смотрю, повторяя, как в детстве когда-то:
- Цитата... Цитата... Цитата... Цитата...**

1987

**Все тесней и все интимней
круг друзей, и не уйти мне
от того, что белый свет
среди крыш и среди веток,
словно марлечка на свет,
стал прозрачен, стерт и редок.**

**Умирают старики.
Все слышнее с той реки,
с той далекой переправы
их живые голоса.
Нам для подвигов и славы
остается полчаса.**

**Где содумники? Их нету.
Разбрелись по белу свету,
каждый сам себе горазд.
Что на свете остается?
Чистый лист и чистый наст.
Одиночество и солнце.**

1986

1951

...комната, где кресла
в чехлах, на босу ногу, словно дети
в ночных рубашках, шествуют из спальни
на кухню; где в пожухлые газеты
обернуты старинные гравюры
на стенах; где гардинным полотном
укрыт диван - все валики, подушки
и пуфик в изголовье; где на окнах
задернуты - сначала занавески,
за ними тюль, а после тяжкий бархат,
спустившийся на тоненьких веревках,
подобно парашюту; под стеклом
забытые невидимые книги
покрыты желтым крафтом, и рояль
стоит, как лошадь черная, в попоне,
и дверь в другую комнату закрыта
на внутренний замок и на висячий -
так возвращались после долгих трех
огромных летних месяцев, и детство
вдыхало мятный запах нафталина,
и сердце замирало, будто знало,
что осень - лишь метафора беды.

1980

Как важно родиться
в том городе, где...
Как важно учиться
в том классе, в каком...
Как важно водиться
с той братией, что...
Родись ты не здесь
и учись ты не там,
води ты компанию вовсе не ту -
и вот ты никто и нигде, и никак.
А если даже - то и тогда.

1979

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА

Подписано: "Внимательному внуку
от дедушки..." (затерто). Синий круг:
"Центральная библиотека ВУКа"
(зачеркнуто). Что значит этот ВУК?
"Библиотека клуба и профкома.
Шкаф N 8, полка N 5"
(зачеркнуто). "Библиотека Дома
Ученых" (перечеркнуто опять).
"Библиотека школы-интерната"
(зачеркнуто крест-накрест). "ФЗУ".
"Проверено" (замазанная дата).
"Просмотрено". Чернилами внизу:
"Отсутствует страница 107-ая".
Карандашом: "и пятая притом"...

"Я другой такой страны не знаю,
где так вольно дышит старый Том!"
(из песни)...

1989

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

У нее была толстая мама с прокуренным басом
и папа-художник с допотопным мольбертом.
Мама верховодила нашим классом,
а папу, которого звали Альберт, мы дразнили "Мольбертом".

Альберт Семеныч рисовал городские пейзажи,
а мама ставила с нами спектакли.
Помню премьеру: все в костюмах, я же
почему-то с одной бородкой из пакли.

Помню, эта бородка всех насмешила -
падала, мне становилось неловко.
Папа-художник носил с собой ножик и шило -
и ловко к моей бородке приделал веревку.

Папа-художник недавно вернулся неизвестно откуда.
В квартире их было пусто и голо.
Однажды, когда у дочери случилась простуда,
к ним завалилась чуть ли не вся школа.

Оказалось, папа рисует для школы портреты Ленина
и делает это совершенно бесплатно.
Помню, девочку звали Леной. Мама ленина
замечательно выводила чернильные пятна.

Мама была вездесуща: с утра и до ночи
металась по нашей улице с какими-то свертками.
Под вечер мы встречали Мольберта Семеныча -
он возвращался домой, как правило, с водкою.

Оказалось, папа пьет, и с темна до света
мама шьет - под боком была барахолка.
Потом барахолку закрыли. А в школе портреты,
помню, еще висели долго-долго.

Помню какой-то вечер, школьную сцену,
маму ее за кулисами, папу в зале...
А вот кого я не помню, так это Лену, -
всплывает нечто курносое и с глазами.

Было, сплыло... Видели - как не видели.
Что-то мы там сыграли, и нам аплодировали...

Наше отрочество было пристально к нашим родителям.
Много позже мы их реабилитировали.

1981

Мы выросли на лагерном жаргоне,
и куклам телеотроческих грез -
Телевичку, Гурвинеку, Жаконе
нас перевоспитать не удалось.

Уже с утра дворовые словечки
вздымали пыль, замешивали грязь,
и деревянный чижик на дощечке
взлетал, на всю округу матерясь.

Родная речь - чердачная воровка
пихала в сумку стибринную кладь.
Чернильная вросла татуировка
в измученную школьную тетрадь.

Мы, как слепцы, указкой в карту тыча,
шагали вдоль лесов, полей и рек,
и низкое, как старт, косноязычье
нас отправляло в праздничный забег.

Беги, беги под стук секундомера
по дантовым кругам родной страны,
где речи пионера и премьера
в своей беспечной скудости равны.

Беги, беги, рассчитано толково:
мы все такие - я и сам такой! -
чтоб от одышки не сказать ни слова,
лишь на бегу махнуть на все рукой.

1981

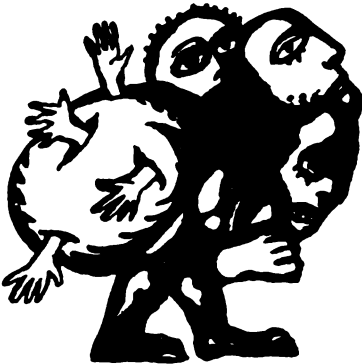
Талантливые мальчики конца пятидесятых -
уже по школам, как велось, портреты не висят их,
и свет медалей выпускных на бархате коробок
померк при серебре седин и золоте коронок.

Давно идет печальный счет дорогою истертой:
спились и первый, и второй, и третий, и четвертый,
и предал пятого шестой, как верный соглядатай,
и за бугром седьмой, восьмой, девятый и десятый.

Талантливые мальчики уходят без оглядки.
Я, слава Богу, уцелел: я во втором десятке.
Покинув старые дворы, подъезды, подворотни,
идет десяток наш вперед настречу черной сотне.

Уже остались позади и трусы, и герои.
Уже осталось нас, как встарь, то ль четверо, то ль трое.
Но давний опыт не избыт и не забыты строчки, -
а это значит: как один, умрем поодиночке.

1988

Кассандре дали право голоса,
у Ариадны взяли нить,
и страшно по газетным полосам
глазами жадными водить.
Сизифье время! В поднебесную
крутую высь уходит склон...
На миг задержимся над бездною,
где над былинкой бесполезною
бесплодный камень занесен.

1978

—

Давайте все расставим по местам,
как это было десять лет назад,
как это было двадцать лет назад,
пока не размело нас по углам,
когда играла флейта за окном,
когда бродил по жилам звонкий хмель,
когда кораблик в небе голубом
еще не сел на золотую мель.

Еще он плыл неведомо куда
и за собой, крылатый, нас манил,
еще хватало силы для стыда,
а для подлянки не хватало сил,
еще мы залихватски брали в плен
и девушек любили пуще жен,
а нищий духом был еще блажен
и временем до срока пощажен.

Давайте все расставим по местам,
как это поначалу завелось, -
еще перо водила по листам
свобода, а не зависть или злость,
еще не начинали убирать,
как снег осиротевший, тлен и прах,
и на печальный остров умирать
стремились только в песнях и стихах.

1988

СТАРЫЙ МОТИВ

Когда оглянешься - какую жизнью странною
мы жили в юности - не жизнью, а войной.
Какой поверхностной, кичливой и эстрадною,
какой измотанной, подавленной, двойной!

Экскурсоводы не водили нас в запасники,
где краски ржавели, весь мир взорвать грозя.

Мы говорили о любви, как третьеклассники,-
посы зажмурив и плотней заткнув глаза.

Но втайне жили ожидаемыми битвами,
как божество, ниспровергая ханжество,
а кто покруче - тот бродил и бредил "битлами",
свое особое справляя торжество.

А как учились мы! Как много было выходцев
из школьных бредней, из лукавых стенгазет!
О, стража чуткая - Наумов, Плоткин, Выходцев -
профессора соцреализма и анкет!

Предпочитали комбайнера нам и егеря -
словесность двигая то в поле, то в тайгу.
Мы диалектику учили не по Гегелю,
а по учебнику со штампом ЛГУ.

Была наглядная метафора знакома нам,
она особый обретала вкус и вес,
когда у нас читал слепец, ведомый гомоном,
то экономику, то курс КПСС.

Когда б мы знали, как еще назкономимся -
уж то-то с пылу бы полезли на рожон!
Пусть кинут камнем в нас - за камнем мы наклонимся
и до грядущего ремонта сбережем!

1988

Мое поколение сорокалетних
всходило на слухах, мужало на сплетнях,
и вышло, что стало нам главной из дат
то утро, когда был рожден самиздат.
И вот, приближаясь к внезапному полдню,
я это забытое утро припомню:
вела нас тайком, с пустыря на пустырь,
слепая машинопись - наш поводырь.

Руками схватившись за плечи друг друга,
мы медленно шли друг за другом по кругу,
как ослик, вращающий жернов, - пока
стекает на землю скупая мука.
И тот, кто отведал запретного хлеба,
искал по-иному заветного неба,
ломоть животворный, целебный, простой
порой запивая тюремной водой

Легко ль отвязаться от этой оскомы?
Как пращурь, сгнули списки, альбомы,
иная культура у гордых внучат:
они по ночам на машинках стучат.
Бумага шуршит, как пустыня, окрасясь
неверным лучом, осветившим оазис.
Уходят следы, оживляя пейзаж, -
и прошлое тает, как зыбкий мираж.

1988

Тоска по прошлому! Я раньше
не помышлял, не знался с ней.
Яснее ясного: не рай же!
А тянет, тянет все сильней.

Не в отрочество и не в юность -
в иные, в прежние года
душа как будто обернулась
и все зовет: Туда!..Туда!.."

Туда - ведомая игрою,
в тот мир за призрачной чертой,
где жили мудрые герои,
царили воля и покой.

Какие были там напасти!
Какая бездна, звезд полна!
Как хорошо, что в нашей власти
любить иные времена!

Да, времена не выбирают,
но чем ушедшее живей,
и чем нас громче оглушают
рыданья плах и мятежей,

и чем яснее пепелища
дымятся будто наяву, -
тем я свободнее, и чище,
и созидательней живу.

1986

ЕДИНОЖДЫ НАВСЕГДА

*Он почувствовал необходимость расчесться еди
ножды навсегда со своею молодостию и круто
поворотить свою жизнь.*

А.С.Пушкин, "Путешествие в Арзрум".

В середине шестидесятых резко замедлилось время.
"Племя" и "семя" рифмоваться с ним перестали;
"стремя" давно скопытилось; правда, еще оставались
"темя" и "бремя",
но темя болело от бремени стоявших на пьедестале.

В середине семидесятых произошел ожидаемый криз -
исподволь были розданы мишени и мушки.
Наше поколение оказалось выбито: из
десяти, примерно, восемь расположились у кормушки.

Старшее поколение имело судьбу и успех.
Младшее поколение еще кувыркалось в нетях.
Наше поколение поверх этих глядело на тех,
часто не различая, что - у тех, что - у этих.

Мы начали слишком рано и ушли в никуда,
никто посреди нигде стал нами распоряжаться,
поэтому если хочется единойжды навсегда,
то это вполне естественно, и не следует поражаться.

В середине восьмидесятых все расставилось по местам: старшим хватает чего терять, младшим есть чего добиваться. Мы оказались на берегу подобно выброшенным китам - остается, ползя вперед, окончательно добиваться.

Но если двоим из десяти захочется круто поворотить, то есть еще прилив и прибой, а рядом - друг и ровесник. Вот бы только еще удаче покружить и поворожить там, где громко хохочут чайки и гордо реет буревестник.

1988

Наступила пора похорон.
Вот он ездит из города в город,
старой мыслью своей покорен,
что и сам он не молод, не молод,
что все ближе и ближе к нему
ударяет снаряд за снарядом,
образуя кромешную тьму
справа, слева, поблизости, рядом.

Что он делал всю жизнь напролет
для друзей, на ветру ошалелом, -
или, может, любви и забот
для кого-то из них пожалел он?
И пока уводила стезя,
поднимаясь все выше и выше,
у него умирали друзья -
не дожив умирали, не выжив.

Он писал им письмо за письмом,
а со многими жил он бок о бок,
а других он встречал за столом
в юбилейном сверкании пробок,
между тем все трезвей и трезвей
понимая, до боли в затылке,
что уводят подруг и друзей
пережитые тюрьмы и ссылки.

Вот стоит он у гроба, без слез,
не скрывая усталого взгляда,
и, казалось бы, странный вопрос
разрешает: кому это надо -
не писать, не вести дневников,
жечь записки, замарывать даты
и несказанных несколько слов
брать в дорогу, как брали в солдаты?

Ну кому это надо, чтоб тот,
кто сумел бы, успел бы, сказал бы,
прямо с юности пущен в расход -
вот и грянули давние залпы! -
и вернувшись - никак, не при чем
и нигде доживая на свете,
не успел, не сказал, не прочел,
не сумел, не спросил, не ответил?..

Но стоящий у гроба лишен
на такие вопросы ответа.
Наступила пора похорон:
умирают ровесники века.
Эта мысль, как смертельный недуг,
сводит сердце все туже и туже,
и смолкают стоящие вокруг,
и молчанье все глуше и глуше....

1972

Мы жили искренней и резче
и не боялись стукачей
в те дни, когда дефекты речи
определяли суть речей.

На фоне общего запоя
и обязательных побед
мы, как шахтеры из забоя,
шли что ни день на божий свет.

**И чувство дружества и братства
объединяло нас верней,
чем в горних сферах казнокрадство
своих столпов и звонарей.**

**Куда ж теперь девалась эта
привычка локтя и плеча,
когда судачим до рассвета
и все иначим сгоряча?**

**И оказалось, как несладко
дышать, отвыкнувши дышать,
и стала мелкая оглядка
нас искушать и утишать.**

**И все, что в прошлом единило,
вдруг, словно маска сорвалось...
Визжит в окне свиное рыло
и в душу лезет на авось!**

1988

НА СЕМИНАРЕ БАРДОВ

Михаилу Володину

**Танечка из Витебска песенки поет -
нежно и язвительно сутки напролет.
Вид лихой у Танечки, голосок и стать, -
встанет рано-ранечко, станет распевать.**

**Солнечно и перисто. Рай, а не житье.
Сам добрейший Берестов слушает ее -
сколько же чертовского в пенье аонид! -
а потом Чуковского ей изобразит.**

**И профессор Сухарев, бардов брат и друг,
ципиков и ухарей не пропустит в круг:
ручка по бумажечке катит, как на льду, -
все твои промашечки схватит на лету.**

Недомолвки выкинем, кучкой постоим,
вторя вероникиным рифмам составным.
Тучки регулярные, сходки допоздна,
штучки - элитарные, а судьба - одна.

По дорожке хлюпаю, дуюсь на себя:
погулял бы с Любою, да у ней семья.
Погрущу тихонечко над судьбой своей,
погуляю с Ленечкой - так оно верней.

Леня - зав. поэзией, молодежи друг,
с ним куда полезнее проводить досуг.
По траве незримую тропку проторим
и про Лену с Димоею с ним поговорим.

В чем же дело, собственно? И откуда свет?
Горько пахнет соснами из забытых лет.
Вроде, пой и радуйся, слушай и молчи.
Огонечек бардовский светит из ночи.

Как в беспечной юности, вся-то благодать
в той сердечной смутности, что не передать,
в призрачном спасении брать высокий тон
и в перечислении дорогих имен.

1989

И я с тревогой начал замечать,
что стал на молодых вовсю ворчать,
что громкая их музыка чужда,
что в их вниманьи чудится вражда.

Стой, говорю, но ты таким и был -
все тот же их напор и тот же пыл,
все те же сборы по дворам ночным!
Нет, говорю, я был совсем иным:

я рос в эпоху бардов и стихов,
я с целым миром был дружить готов,
мне до сих пор понять важней всего,
не в чем различие, а в чем родство.

Что ж, говорю, ты в том не виноват,
что время есть содружество утрат.
Тебе милей в лесу шуршащий лист,
а им - шуршащий по шоссе скейтист.

Шуршат скейтисты в летней полумгле,
одни на всей асфальтовой земле,
наушниками плотно заслонясь
от звуков, потерявших с ними связь.

Меж тем, в траве кузнечики скворчат,
скворцы зовут в скворечники скворчат,
и не понять, какому чудаку
кукушка шлет и шлет свое "ку-ку"...

1986

МОСКОВСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

Андрею Чернову

Нам не хватает главных звеньев
соединить судьбу с судьбой...
Москва, как говорил Тургенев,
у всей России под горой.

На то, наверно, и столица -
далекий звон да бравый вид.
И неспроста в нее скатиться
все отовсюду норовит.

Но есть в Москве своя отрада,
своя, как говорится, статья:
друзья, с которыми не надо
по горным высям тосковать.

Оставим горы альпинистам
с их фанатизмом и муштрой.
Займемся делом неказистым
у всей России под горой.

Так вот, о звеньях: не хватает
их в наши дни, куда ни ткни.
И жизнь, как наст воздушный, тает
среди весенней воркотни.

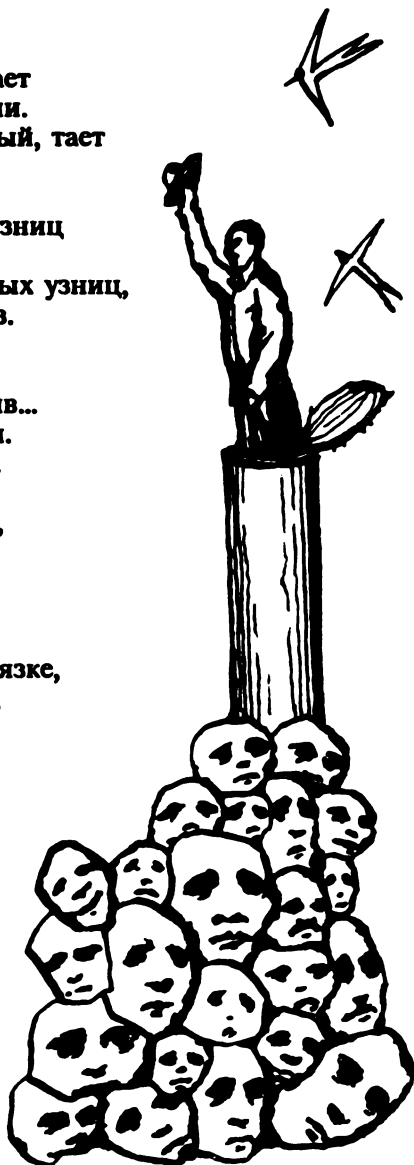
А мы в тиши домашних кузниц
куем цепочки что ни час
и с книг, как с самых важных узниц,
мы не спускаем зорких глаз.

Вокруг - изрезанные скалы,
подземных руд скупой архив...
Что есть история? Провалы.
Расщелина. Теснина. Срыв.

Втроем, вдвоем, поодиночке,
порой полпачною порой,
куем, куюм свои цепочки
у всей России под горой.

А тот, кто выше ходит в связке,
воздушный приминая наст,
за наши низменные сказки
всю высоту свою отдаст!

1985

ПРИСКАЗКА

Оттого что я с севера, что ли,
манит юг меня поневоле,
не курортный
и не фруктовый -
тихий, маленький, местечковый:
чтобы вечером пела скрипка,
чтоб калитка дрожала зыбко,
чтоб звенело эхо навстречу
непонятной знакомой речью.

Где-то там закатились в сено,
как два зернышка, мои гены,
и, внезапной удаче рада,
их отрыла курочка Ряба
и снесла золотое яичко.
А потом ей сломали крылья.
Как былинка,
дрожит быличка
и становится черной былью.

Плачет бабушка в Бабьем Яре.
Плачет дедушка в Бабьем Яре.
Я под северным небом гуляю
и нет-нет отзовусь, как птичка,
на далекий скрипичный голос,
из бывшего звучащий слабо,-
и тогда
на мой птичий голос
прихромает курочка Ряба.

Чай нальем, горячий и сладкий,
посудачим о нашей доле...
А у Рябы старые лапки
и морщинистые мозоли...

1984

*...и дышат почва и судьба.
Б.Пастернак*

Утяжеленный стих повторяет ситуацию, в которой мы оказались: одаряет долготерпением и опорой на самого себя - изыски преломляются, как сквозь призму, освобождая место в списке заслуженному прозаизму.

Рифмы раздваиваются по долгу службы, звуки свалены в кучи, строки выстраиваются, подобно очередям: чем длинней, тем круче дефицит дыхания и метра, после усушки и утруски; жизнь на подъеме, возле ветра, куда одышливей, чем на спуске.

В самом деле, эта зеркальность, эти сдвиги, это смещение говорит о том, что закралось и в поэзию ощущение накопившегося груза, - лишь переносы, бьющие током, напоминают еще о музыке революции, вслед за Блоком.

Став отцами и матерями, былью обзаведясь и болью, мы отстали и потеряли юношеское своеволие - все, что было легко и прочно, все покрылось смогом и ржою, и задыхается наша почва вслед за судьбою...вслед за судьбою...

Жизнь на подъеме, возле ветра,
предполагает иные стати -
раскрываются наши недра,
как мучительные объятия:
прозаический, протяженный,
в небо взлетающий, как качели,
возвращается стих, тяжелый,
словно рок, - в основном значеньи!

1988

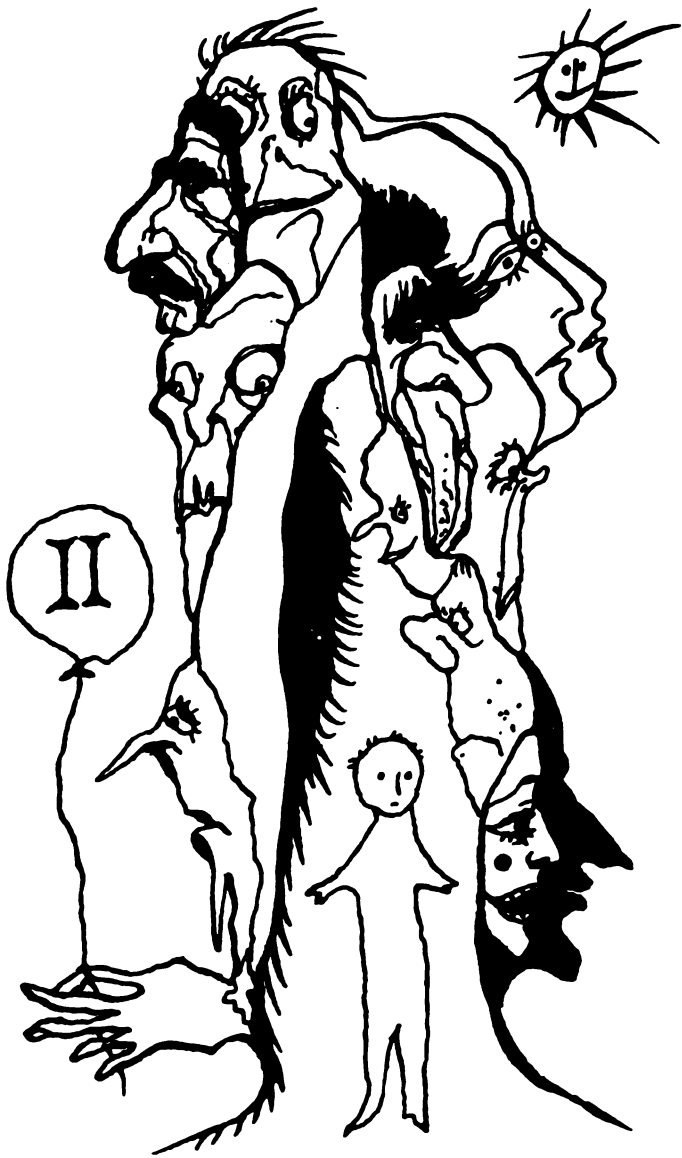
Сгусток мира, сгусток крови -
мой незримый кровезири!
Ты меня на полдороге,
как листву, окровенил.

Я еще держусь за ветку,
редкий, ветхий, как завет,
взятый богом на заметку
за усердье прежних лет.

Обнажается пространство.
Осыпается листва.
Тихо, тайно и пристрастно
начинают быть слова.

1989

НЕПРАВИЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Ведущие

отличаются от ведущих за собой,
быть может, всего лишь оттенком смысла,
стилистической сбивкой,
иным управлением,
но ведущие за собой
возникают только тогда,
когда есть правоверные ведущие.

Так же как инакомыслящие
возникают только тогда,
когда есть икономыслящие.

Собственно, все дело в неправильных глаголах:
смотреть, видеть, ненавидеть и так далее
неправильно

с точки зрения тоталитарной грамматики,
в которой нечего глазеть по сторонам,
а уж тем более выражать отрицательные чувства,
не говоря уже про так далее.

Но неправильные

думают иначе,
ведут за собой,

и тогда их приходится знать, держать, гнать, терпеть
и так далее -

никуда не деться

от этих неправильных глаголов!

1989

НАЧАЛО ВЕКА

Форточку откроете на стук вы,
запавеску сдвинете - и вот
крик коня, полуодетый в буквы,
в утреннюю комнату войдет.

По асфальту цокают подковы,
и под шорох водосточных труб
в тишине вот-вот сорвется слово
у коня с опухших детских губ.

1986

ЛЮДИ И ЗВЕРИ. ФИЛОНОВ

Мы сшиты из лоскутов.
По швам проступает кровь.
И наши тела скотов -
сердцам и тепло, и кров.
И наши глаза людей
навылет глядят и сквозь.
И наша слеза лютей
невидимых миру слез.

Накинута на лубок
колючая сеть морщин,
а с вышки усатый бог
нас мерит на свой аршин.
Раздробленный, скроен мир,
как вечный тришкин кафтан,
из красных и желтых дыр -
гнилых и кровавых ран.

Мы плоские, как стена,
к которой стоим впритык, -
на то нам и жизнь дана,
чтоб видели: здесь тупик.
А души - ползком, ползком
плывут над землей, как дым...
И воем, звери, ничком,
и павзничь, люди, молчим.

1988

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ ГНЕДИЧ

Белый Зал холодит со двора.
Тащевальные здесь вечера
папихидою можно с утра
замещать по обычаям местным.

Вы отправились в путь налегке:
перевод на опросном листке
не заметят в пустом узелке
на последнем досмотре небесном.

1976

ЗИМНИЕ СТИХИ О СИМОНЕ ЧИКОВАНИ

Страницы, как ветви, покрыты листвою.
А снег на страницах лежит меловой.
Симон Чиковани, Симон Чиковани,
откуда пришли вы полночной порой?

Из новой ли книги, из давних ли грез
мне ветер случайную песню принес?
Как отсвет свечи на грузинском чекане,
по улице поздней крадется мороз.

Таился меж строчек случайный изъясн -
как псеба кусочек сквозь белый туман.
Не знал переводчик об этом изъясне -
был смыслом пленен он и звуками пьян.

Меж тем я увидел невидимый лаз.
Спустился под землю. Светильник погас.
И вас я увидел, Симон Чиковани:
отшельник овцу одинокую пас.

"Вот юность моя!" - вы сказали, овцу
подняв над землей и приблизив к лицу.
На горле овцы, в незатянутой ране,
пульсировал свет, как фонарик в лесу.

Вы шли вдоль щемящей пещеры - и луч метался по серым скрещениям круч.
"Постойте!" - я крикнул и замер на грани подземного царства туманов и туч.

Но вы уходили в далекую даль.
Тогда я подумал: "Какая печаль!.."
Симон Чиковани, Симон Чиковани,
я видел в тумане Мтацминды миндаль.

1974

Со своими умирающими - свои счета:
какая-то магия, колдовство, тайные знаки.
Как пчела, внезапно забывшая про нектар и соты,
все бросаешь, начинаешь рыться в книгах, перебирать
бумаги.
Точно ненароком загнутый уголок или книжная тесьма
вдруг открывают краешек записки или письма.
А то ни с того, ни с сего просыпаешься от зова
матери, от оклика отцова.

За долгие годы мы становимся окружены
неким полем, на котором растут голоса детей и жены,
и родителей, и друзей, - эти тайные знаки на ниве рока,
под пчелиным жужжаньем забот неразличимые до срока.
Мы вырастаем друг в друга: особенно то, что зовут
любовью и нежностью, особенно то, что считают
привязанностью и долгом, - невидимый труд
подсознания, дающий плоды, когда иссякают

жизни. Не оттого ли теперь не спим
до рассвета, внезапно проснувшись от горьких мыслей,
вымученных за день? Словесный дым
растворяется, оставляя копоть, - мы с ней
свыклись, но когда уже вовсе нечем дышать,
поскольку забили гортань пересуды,
вдруг просыпаешься и начинаешь дрожать
в ознобе, откликаясь на зов отовсюду.

Опрокидываются поезда. Самолеты взрываются. Корабли
сгорают. Дома трещат по швам. Из земли
произрастают мутанты. Пчела, забыв про дело,
гадает на воске, словно античная дева.
Вскакивая ночью, разве что не кричу -
от прозренья мертвеет вдох, обрывается выдох -
и, подражая великому бородачу,
роюсь в книгах,
роюсь в книгах,
роюсь в книгах...

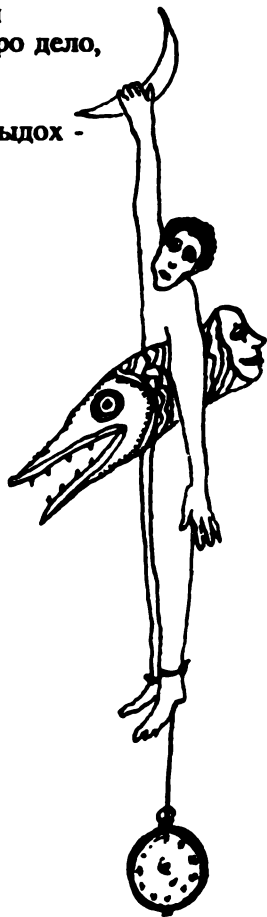
1988

ЧИТАЯ ШАЛАМОВА

Мы все побывали в лагере,
хотя и не той концентрации.
Нам нечего делать под флагами
детей новейшей формации.

И то отрицание опыта -
проклятие и апатия -
и нами пемного добыто,
подобно добыче радия.

1987

В НАЧАЛЕ МАЯ

По радио гоняли Галича,
и этот рокот сверху вниз,
как бы резвяся и играючи,
из репродукторов повис.

По улице с дождем и с лужами
прохожие, умерив прыть,
скользили и нет-нет да слушали,
разматывая эту нить.

Флажками город у Невы играл
как будто, вопреки судьбе,
переходящий кубок выиграл
у ветреного КГБ.

1988

Люблю переводить поэтов-северян,
их преречь ветров, метелей и растеньиц.
Что говорит якут? Я стих его сверял
с тем, что увидел нивх и что услышал ненец.

Тот песни собирал да память бередил,
тот в тундре бедовал, ерник зимой копал там...
Еще один сюжет морской залив родил:
все чаще, все сильнее влечет меня к прибалтам.

С досужей болтовней сюда не залетишь,
здесь, где равны поэт, крестьянин и торговец,
эстонец промолчит, сощурился латыш
да парой едких слов отшутится литовец.

Как мне перевести безмолвный их упрек,
чтоб не казался он ни суетным, ни бранным?
И может, Бог меня от срама уберет,
когда подался я к веселым молдаванам?

Загублен виноград, зато цветет полынь.
Шмели сипят, задрав чахоточные рыльца.
По лестницам скрипит одышливо латынь,
кириллицу призвав на помощь, как перильца.

А что грузинский стих? За рифмой теневой
в подтекст очередной проникну нелегко я...
Всех, всех, кого люблю, переведу с лихвой -
и лишь родной язык мне не дает покоя.

Едва сажусь за стол, он душу теребит,
но всех чужих обид преодолеть не в силах.
Я зажигаю свет, и проступает стыд,
как тайнопись, меж строк постыдных и постылых.

За все, что предаем огласке и суду,
за то, что не в ладу язык мой и природа,
за нищую дуду, за общую беду -
за все в ответе ты, искусство перевода!

1988

Травка зеленеет.
Солнышко блещит.
Ласточка с весной
все не к нам летит.

Не пылит дорога.
Не дрожат листья.
Мертвые деревья
голы и пусты.

Окись зеленеет.
Пажити сухи...
Подожди немного -
кончатся стихи.

1988

Если в окно всмотреться -
в топах леса утопли,
точно переселенцы,
бродят по гатам толпы:
выцветшие косынки,
распаренные рубахи,
оскаленные корзинки
держат друг друга в страхе.

Вот разомкнутся двери,
взвизгнут, бренча, бидоны,
корзины, прутья ощерив,
выпрыгнут на перроны,
и ринутся в лес оравы,
сметая все до крохи,
во имя новой потравы
расщедрившейся эпохи.

Рыча утробно и гордо,
рванут с поводков корзины,
а рюкзаки и ведра
вопыются в руки и спины:
добыча будет богата,
хватит сил и терпенья,
пакеты из пластика
готовы для удушенья.

Спешат по лесной дорожке
ботинки, бахилы, кеды,
желские босоножки,
детские сандалеты,
спешат в надежде успеха -
и слышится в птичьем гаме:
все громче рокочет эхо
грохочущими сапогами.

1985

КОРНИ

Чем к старости ближе, тем ближе к земле.
В глине, в золе,
мамины пальцы корнями корявыми стали,
мамины пальцы в железный суглинок вращали,
рыли, рыхлили, пололи,
корчась от боли,
сад свой растили, свой крохотный огород.
И вот -
в каждый сырой уголок ленинградской студеной земли
десять апостолов веру свою разнесли.
Десять апостолов, каждый навьючен годами,
шли неспеша, отдыхая в какой-нибудь яме
между корней, корешков, корневищ,
пробираясь неведомой тропкой в кореньях.
Мама моя Огородница медленно шла на коленях
следом за ними, пока
десять апостолов шли вдоль стены сорняка -
рыли, рыхлили, пололи, подгнившие листья срывали,
шли, а в земле созревали
скудные северные плоды: лук, петрушка, редиска да свекла...
На коленях у мамы холщовая юбка промокла -
долгий путь вдоль забора с гряды на гряде.
Я за нее пройду -
ни соринки в земле не замечу: только то,
что цветет, плодоносит, готовится пищу родить.
Ус клубники, как цепкая нить,
в землю корни пускает, укроп, поднимает головки.
Сколько нужно уменья, терпенья, сноровки,
чтоб до каждой горстинки земли донести эту веру и труд!
Десять апостолов под рукойником чистят и трут
все свои трещинки, ранки, морщинки, мозоли,
корчась от боли,
на пять минут забывая про свой вертоград, огород.
И вот -
как прикипают к прозрачному срезу ствола черенки,
вдруг прикипают они к одеялу и к простыне
и, как щенки,
вздрагивают во сне.

1980

УТРЕННЯЯ ОДА

О, авоська! Широки твои тенета -
эти кукольные нити только тронь,
как тугие ячеи сведет зевота,
и вопьются ручки-ниточки в ладонь.

Лук воззается стрелой в брюхо брюкве,
ядра свеклы брызжут кровью на салат,
и куриные головки, как хоругви,
над поверженною армией висят.

Фарш расплющенный становится все тоньше,
из раздавленных пакетов потекло...
Молчаливые стоят наполеонши
перед зрелищем привычных ватерло.

О, картофель! Он влезает в прорву сеток
и идет в прорыв - чем мельче, тем верней...
Всемогущ военный театр марионеток
в нестигаемых руках очередей!

1988

Пинг-понг! Подачами шальными
лихой противник одержим.

Мы за удачами чужими,
как пес за шариком, следим.

Завидовать и потешаться -
какая низкая корысть!

Пора, ей-богу, почесаться,
зевнуть и косточку погрызть.

1986

Идет по улице поэт.
Друзья глядят ему в карман.
Идут с банкета на банкет,
из ресторана в ресторан.

Кончается искусство муз.
Свершается искусство пуз.

Потом он занимает в долг
еще на рюмочку вина,
и в бильярдной, зная толк,
сидит - судачит допоздна.

Кончается искусство муз.
Свершается искусство луз.

Потом приходит он домой
и сигаретой глушит хмель.
Взглянул на письменный с тоской -
жена уже зовет в постель.

Кончается искусство муз.
Свершается искусство уз.

Но вот он за полночь встает
и у стола сидит до слез:
перо бумагу не берет,
как след невыученный пес.

Кончается искусство муз
и кажется, искусство - шлюз;
пропустит жизнь, просеет свет,
и, кажется, возврата - нет...

1974

Нам критик говорит: "культура", "знак", "обычай",
еще добавит: "миф", произнесет: "значенье" -
и все мы тут как тут... Как громок этот птичий
язык, зовущий на поверку поколение!

Легко ему летать: чирикай да чирикай,
не все ль равно, что петь - находку ли, пропажу?
А рифму новую поди, удочери-ка, -
не гляючи предаст приемного папашу.

В эпоху зыбкую, когда бухой Отелло,
подружку придушив, спешит на званный видик,
покуда правит бал на кухне сальмонелла,
а маленький масон курочит пляж, - нам критик

подскажет: "архетип", добавит: "рефлексия" -
и ты уже готов: неси пожитки в поезд.
И, как в былинный век, безмолвная Россия
в свою прямую речь вобьет тебя по пояс.

1989

ЛЕТО-88

Клуб у газетного киоска,
я твой посланец и ходок!
В зубах дымится папироска,
в руке томится поводок.

Дань отдавая моде летней,
сюда приходим на заре:
бежит за мною малолетний
мой пес по имени Мегре.

Мы этим летом как мальчишки -
сдва проснулись и вдвоем
свои притопы и припрыжки
в обмен на новости несем.

Пока с соседями моими
жду появления газет,
пес отработывает имя,
вынюхивая тайный след.

Не занимать ему сноровки,
он умница и грамотей,
ему ботиночки и кроссовки
целшей "Московских новостей".

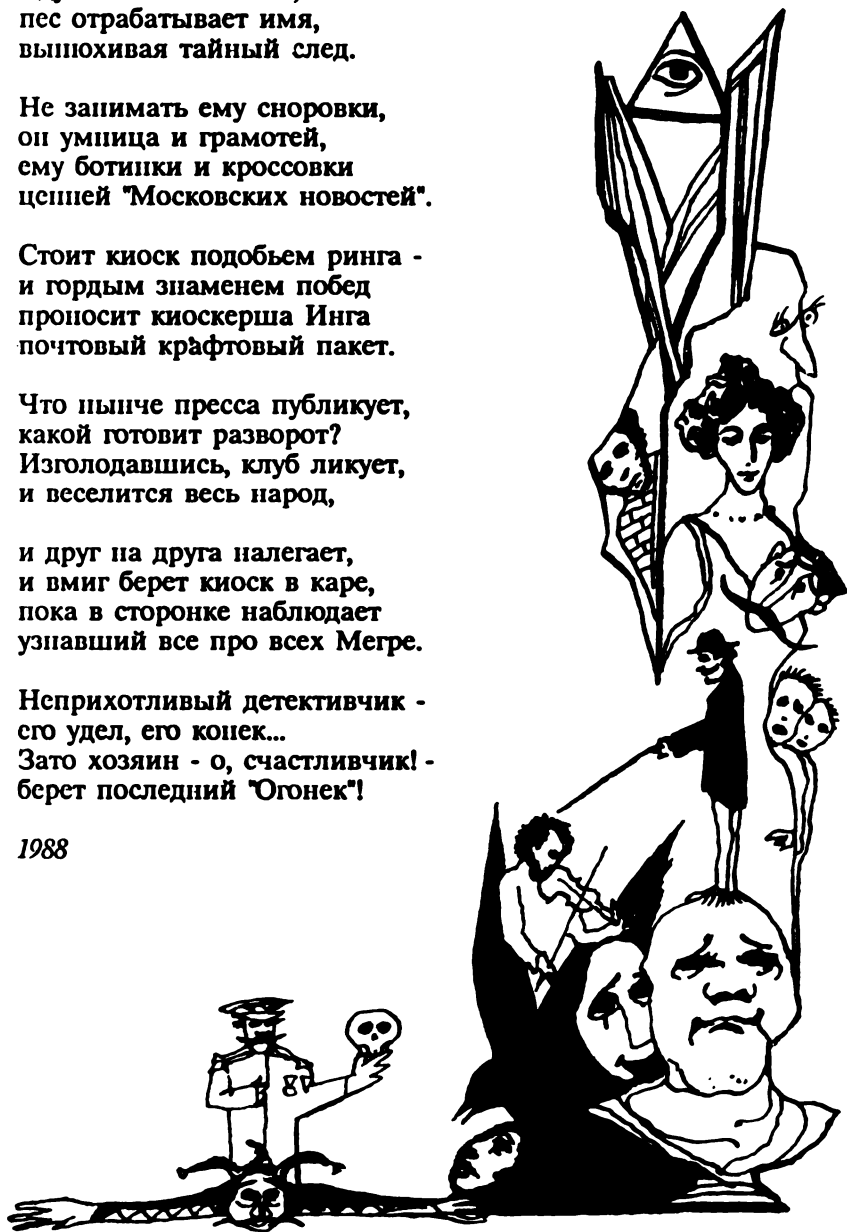
Стоит киоск подобьем ринга -
и гордым знаменем побед
проносит киоскерша Инга
почтовый крафтовый пакет.

Что нынче пресса публикует,
какой готовит разворот?
Изголодавшись, клуб ликует,
и веселится весь народ,

и друг на друга налегает,
и вмиг берет киоск в каре,
пока в сторонке наблюдает
узнавший все про всех Мегре.

Неприхотливый детективчик -
его удел, его конек...
Зато хозяин - о, счастливец!
берет последний "Огонек"!

1988

В минуту жизни трудную,
когда на сердце грусть,
одну собачку чудную
выгуливать плетусь -
бреем, куда ни попадя,
в осиннике пустом,
помахивая походя
рукою и хвостом.

Лесного чернокнижия
поклонница навек,
моя молитва рыжая
замыслила побег:
во мху, густом и пористом,
пропала с головой -
но я небесным посвистом
зову ее домой.

Нет, мы не зря таращились,
пыхтя среди грибниц,
на пауков, на ящериц
и неприступных птиц, -
как маленькую заповедь
корней, ветвей и трав,
иссем корзинку запахов,
пол-леса отмахав...

Отбросив иго радио,
газет и трепатни,
так много, друг Горацио,
такого в наши дни,
что лечится пологостью
тропинок и дорог
и всей четырехногостью,
разлегшейся у ног!

1989

Г. Кружкову

Силлабо-тонической сад,
где расцветают пеоны,
где бутоны пиррихия
распускаются в дебрях спондея,
как деепричастный цветок орхидея,
где вольные ямбы
подобно репью
забывает колючий и цепкий дольник,
и ходит по саду восторженный школьник,
и видит,
как, спотыкаясь о корни анакруз,
блуждает мой друг-сочинитель и под нос ворчит:
"Анапест, анапест, анапест -
вот так амфибрахий звучит..."
О, амфибратство, -
на твой огонек
слетаются бледные тени элегий,
и пекий
белый стих, как ночной мотылек,
начинает кружить над сверкающей рифмой,
и лимфой
проступает на срезках поющих ветвей
детский радостный хорей.
Силлабо-тонический сад,
ботанический сад,
ученический сад,
где нимфы из местного ПТУ
сплетают венки сонетов
и птеродактиль клюет на лету
из рук поэтов.

1986

Постарел знаменитый поэт,
 пьет вино на обшарпанной даче.
 Ничего от прошедшего нет -
 ни любви, ни волос, ни удачи.
 Тиражи нераспроданных книг
 попомпогу скупают соседи,
 и далекий его ученик
 все не едет на дачу, не едет.

По ночам в опустевшем саду
 ходит-бродит старик до рассвета,
 и, как прежде бывало, в ходу
 весь набор чародейств у поэта:
 и свистит он, и дует в дуду,
 поджидает от эха ответа,
 и звезду примечает в пруду -
 но его не спасает все это.

Отошли времена колдовства,
 и природа, эпохе на милость,
 просчитав, как ребенок, до ста,
 наконец, в забвенье погрузилась,
 забывая былые пиры,
 переменчивость музыки бражной,
 уступая арену игры
 испредвиденной жизни сермяжной.

Этот громкий, невнятный язык
 оглушает бывшего поэта.
 И далекий его ученик
 тоже где-то не спит до рассвета.
 И не едет, не едет, пока
 не поймет, размышляя упорно,
 что пора забывать облака,
 мастерству наступая на горло.

1972

Раньше были помыслы -
ныпче стали промыслы.
Раньше скажут: "Даровит!.."
Ныпче шепчут: "Норовит..."
Что случилось? Возраст вышел.
Но, упорный, как чума,
я, на зависть павшим, выжил -
и не выжил из ума.
Возраст вышел. Вышел возраст.
Отдымил, как мокрый хворост.
Там, где бился уголек,
пепел хворостей залег.
Как несносно быть поэтом,
убивать пороки -
и при этом не по летам
обивать пороги.
Раньше скажут: "Во дает!.."
Ныпче шепчут: "Воду льет..."
Воду лью на мельницу
русского стиха,
увожу умелицу
музу от греха:
от греха расхожести,
скуки и похожести.
Перемелятся пороки.
Переменятся пороги.
Важно только не сдаваться,
а писать -
и издаваться!

1982

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Уедем не в том поезде,
уедем не в том поезде -
это самое главное
для нашей маленькой повести.
Уедем не в том поезде,
совсем не в том направлении -
пора уже позаботиться
о нашем предназначении.

Так долго мечтали в ногу,
молчали плечом к плечу -
больше на эту дорогу
я выходить не хочу.
Все, что болело, - спелось:
столько пугливых дней!
Разрешенная смелость
старых болячек больней.

Нсбо такое яркое,
а под ногами - прель.
То хоровое карканье,
то хоровая трель.
Уедем не в том поезде,
поставим беглую точку -
пора уже позаботиться
о голосе в одиночку.

Мимо откосов козы
сигают щипать пырей.
Массовые психозы
мимо несут людей.
Станция Иностранция,
станция Лабуда -
какая выпадет станция
тебе, былая беда?

Попутчики: кочегары,
грузчики, сторожа,
те, что давали жару,
не прячься и не дрожа,
сутки через трое
бросая в топку и в кузов,
рядовые герои
уличных профсоюзов.

Выпавшее поколение
делало что ни час
уличную культуру,
выпавшую на нас,
выпавшую дождями,
бьющимися в стекло,
что там вослед за нами
выросло, проросло?

Гулко стучат на стыках
новенькие мосты.
Припасены настырным
новенькие посты.
Уедем не в том поезде -
найдется, куда нам деться:
пора уже позаботиться
о том, чтобы оглядеться.

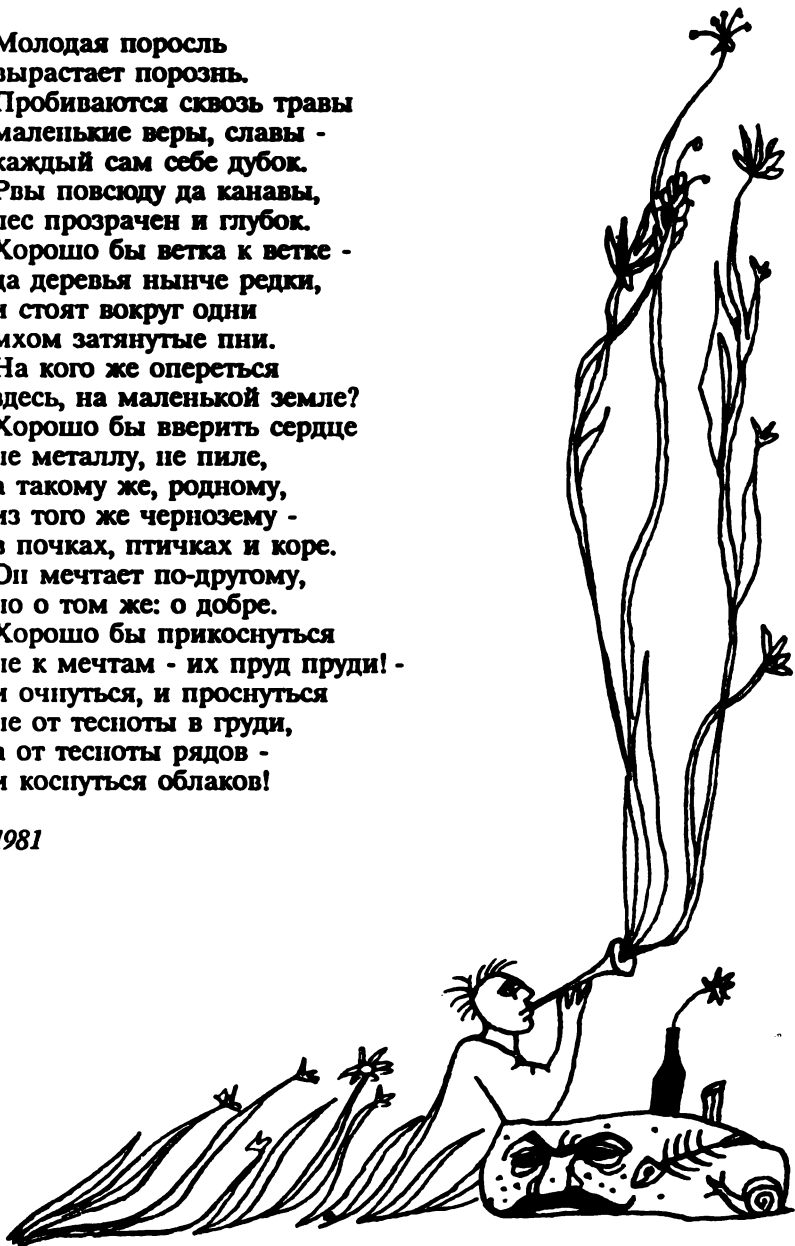
Железная дорога.
Некрасовские места.
В общем-то, жизнь убога,
ежели не проста.
А простота приходит
среди отчих равнин,
ежели на дорогу
ты выходишь один.

1989

Молодая поросль
 вырастает порознь.
 Пробиваются сквозь травы
 маленькие веры, славы -
 каждый сам себе дубок.
 Рвы повсюду да канавы,
 лес прозрачен и глубок.
 Хорошо бы ветка к ветке -
 да деревья нынче редки,
 и стоят вокруг одни
 мхом затянутые пни.
 На кого же опереться
 здесь, на маленькой земле?
 Хорошо бы вверить сердце
 не металлу, не пиле,
 а такому же, родному,
 из того же чернозему -
 в почках, птичках и коре.
 Он мечтает по-другому,
 но о том же: о добре.
 Хорошо бы прикоснуться
 не к мечтам - их пруд пруди! -
 и очнуться, и проснуться
 не от тесноты в груди,
 а от тесноты рядов -
 и коснуться облаков!

1981

СОДЕРЖАНИЕ

I.

Машина времени	4
"У швейной машинки - ни дня передышки..."	5
"Все тесней и все интимней..."	6
1951	7
"Как важно родиться в том городе, где..."	7
Хижина дяди Тома	8
Первая любовь	8
"Мы выросли на лагерном жаргоне..."	10
"Талаптливые мальчишки конца пятидесятых..."	11
"Кассандре дали право голоса..."	11
"Давайте все расставим по местам..."	12
Старый мотив	12
"Мое поколение сорокалетних..."	13
"Тоска по прошлому! Я раньше..."	14
Единожды навсегда	15
"Наступила пора похорон..."	16
"Мы жили искренней и резче..."	17
На семинаре бардов	18
"И я с тревогой начал замечать..."	19
Московское посвящение	20
Присказка	22
"Утяжеленный стих повторяет..."	23
"Сгусток мира, сгусток крови..."	24

II.

Неправильные глаголы	26
Начало века	26
Люди и звери. Филонов	27
Памяти Татьяны Гнедич	28
Зимние стихи о Симоне Чиковани	28
"Со своими умирающими - свои счеты..."	29
Читая Шаламова	30
В начале мая	31
"Люблю переводить поэтов-северян..."	31
"Травка зеленеет..."	32
Песенка о Бурьяновске	33
"Среди отпускного люда..."	33
Корни	35
Утренняя ода	36

"Пинг-понг! Подачами шальными..."	36
"Идет по улице поэт..."	37
"Нам критик говорит..."	38
Лето-88	38
"В минуту жизни трудную..."	40
"Силлабо-тонической сад..."	41
"Постарел знаменитый поэт..."	42
"Раньше были помыслы..."	43
Железная дорога	44
"Молодая поросль..."	46

На четвертой стр. обложки фото Дм. Шнеерсона

Издания М.Яснова:

В ритме прибой. Книга стихов. Л., 1986.

Публикации последнего времени:

Журналы - "Нева", 1989, N 8; "Огонек", 1989, N 33; "Аврора",
1990, N 2; "Звезда", 1990, N 11.

Альманахи - "Лазурь": М., 1990; "Петрополь": Л., 1990.

Сборник "Мост": Тбилиси, 1990.